

гов чужого текста (цитаты из сочинений Ф. Ницше в хима) и др.

фактами литературного процесса и указывают на альную для своего времени традицию.

ий А. Н. Историческая поэтика. – М., 1989. – 406 с. Взаимие национальных литератур: материалы дискуссии 11 – ол. И. И. Анисимов и др. – М., 1961. – 440 с. Жирмуньное литературоведение: Восток и Запад. – Л., 1979. – М. Эпическое творчество славянских народов и проблемучения эпоса. – М., 1958. – 145 с. Миннегулов Х. Ю. Та-Восточная классика: Вопросы взаимосвязей и поэтики. – Нигматуллин Э. Г. Раздвигая века и границы. К вопросу пературы первой трети XX в. с литературами Западной '8. – 136 с. Нигматуллина Ю. Г. Типы культур и цивилии развитии татарской и русской литератур. – Казань, ов Г. Н. Стадиальное развитие европейских литератур. – тин Б. Л. Типология и взаимосвязи средневековых лии взаимосвязи средневековых литератур Востока и За-9 – 117. Силантьев И. В. Поэтика мотива. – М., 2004. –

В. Р. Аминева

И

ИДЕНТИЧНОСТЬ ЛИТЕРАТУРНАЯ. Слово «идентичность» (лат. *identitas* – тождественность) в словарях означает, как правило, полное совпадение одного явления с другим (точек зрения разных людей на тот или другой предмет, перевода – оригиналу, приемов исследования и т. п.). Однако в современной теории литературы И. используется и для обозначения тождественности отдельно взятой литературы самой себе. Это оказывается целесообразным при исследовании межлитературных взаимодействий, когда участвующие в них литературы выступают в роли самостоятельных образований.

И. – это содержание и формы, отличающие одну литературу от другой. Так, сопоставление татарской литературы с русской может привести к следующим наблюдениям. Материальное и духовное в татарской литературе не противопоставляются. Отвлеченное философствование в творчестве в основном не практикуется. Автор не предстает перед читателем в роли пророка, он на одном с ним уровне. Время имеет функции, сохраняющие, не разрушающие единство духа. Малые художественные формы (в частности афористические) играют значительную роль в жанровой системе литературы. Естественно, имеются и другие различия, образующие И. татарской литературы.

Основой И. является язык, на котором существует литература. В языке рождаются и фиксируются типичные для его носителей формы мышления. Они, многократно повторяясь в течение долгого времени, становятся нормативными (традиционными). Язык можно представить в виде мощной центропритягательной силы, удерживающей в сфере своего бытия и писателей, и читателей. Различным И. соответствует разнообразие языков. Язык, по В. Гумбольдту, «первостепенным образом формирует и определяет национальный характер» [Гумбольдт, 1985: 363]. И. литературы и культуры в целом того или другого народа определяется также природными (климатическими, ландшафтными, пространственными и др.) условиями его существования, его историей и религией.

Начало активного исследования истоков и сущности И. было положено еще в XVIII веке (Д. Вико, Вольтер, Гердер и др.). И. оказалась в центре внимания романтической, в том числе и русской, эстетики

(у Ж. де Сталь, немецких романтиков, декабристов, П. Киреевского, А. Хомякова и др.). С конца прошлого века внимание к ней снова активизировалось (особенно у французских постмодернистов Ж. Делеза, Ж. Дерриды, Ю. Кристевой и др., испытавших существенное влияние М. Хайдеггера). Причина – движение против логоцентризма в гуманитарных исследованиях, сводящего разные культуры к общим универсалиям, постулируемым из опыта ограниченного их числа и, соответственно, против идеологии и практики глобализма в культуре. В советской науке И. как тождественность той или другой литературы самой себе практически не исследовалась. Слова «своеобразие», «специфика», «особенности», которые использовались при сравнении разных литератур, сводили И. к вариантам «идеальной» литературы, конструируемой рационалистическим способом. К числу немногих исключений, возвращающих И. собственный смысл, относились работы Г. Гачева, посвященные «национальным образам мира».

И. – самореализация литературы. Она целостна и конкретна. Ее можно «видеть», ощутить как «чужое», понять, описать. Стандартизированная логика разрушает И. По отношению к общему она первична.

Как было отмечено выше, И. удерживает в поле своего притяжения писателей и читателей, «растворяя» их в своей целостности. Но ее активность не сводится только к этому. Под «контролем» И. находятся взаимодействия, влияния, переводы и другие формы взаимодействий «своего» и «чужого» в литературных процессах.

И. – один из факторов, определяющих межлитературные взаимодействия. Она превращает ту или другую литературу в полноценного участника *межлитературных диалогов*. Различные И., вступая в отношения взаимной *дополнительности*, порождают новые и общие для них смыслы. В результате наступают изменения в содержаниях участвующих в диалоге И.

И. находится в центре внимания современной культурологии. Она актуализируется и в теории литературы. Это обусловлено главным образом противоречиями между тенденцией к интеграции разных культур и процессами самоидентификации, наблюдаемыми в каждой отдельно взятой из них.

Лит.: Гумбольдт В. Язык и философия культуры. – М.: Прогресс, 1985.
Гячев Г. Д. Серия книг «Национальные образы мира», изданных начиная с 1981 по 2002 гг. Попова М. К. Национальная идентичность и ее отражение в литературе. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2004. Проблема национальной идентичности в литературе и гуманитарных науках XX в. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2000.

Я. Г. Сафиуллин

ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ ЭСТЕТИЧЕСКАЯ (лат. *inter.* – между и *ferents* (*ferentis*) – несущий, переносящий) – одно из явлений художественного восприятия инонациональной литературы. Термин И. широко используется как в "точных" науках (И. волн в физике), так и в гуманитарных исследованиях (лингвистике, истории, эстетике).

И. э., как и языковая, – продукт национального сознания реципиента. Она возникает в результате трактовки *читателем* произведения инонациональной литературы через своеобразие родной литературы и языка, что сопровождается серьезной трансформацией текста оригинала. Например, И. э. может иметь место при восприятии *читателями* татарской культуры (шире – восточной) трагедии А. Пушкина "Борис Годунов". Нарушения, возникающие в результате И. э., будут относиться к области эстетического, в частности, к представлениям о возвышенном и трагическом. Так как в национальной культуре *читателя* такие представления имеют особенные черты, не совпадающие с эстетическим содержанием, которое заключает в себе поэма А. Пушкина, в воспринимающем сознании происходит И.

И. э. чаще всего возникает невольно и поэтому в каждом конкретном случае художественного восприятия ее внутренний "механизм" нельзя полностью раскрыть и представить в научном определении. Глубокое понимание сущности И. э. достигается при сопоставительном изучении разных типов культур, цивилизаций, национально-художественных и религиозных традиций, литературных форм, языка как основных источников этого явления.

В силу сложности структуры человеческого сознания, исследователи предполагают, что И. э. реализуется и в области нелогического, недискретного мышления. Здесь она граничит со сложным миром душевных

между ними, обусловленное общностью художественных систем (с этой точки зрения в один ряд могут быть поставлены «Улисс» Джойса, «Петербург» А. Белого, «Кентавр» Апдайка, «Сто лет одиночества» Маркеса как произведения модернистские, основывающиеся на мифотворчестве), с другой – обнаружить различия, связанные с особыми национально-историческими условиями, в которых они создавались.

Лит.: Заидуллина Д. Модернизм һәм XX йөз башы татар прозасы. – Казан: Тат. кит. нәшр, 2003. Ибрагимов М. И. Миф в татарской литературе XX века: проблемы поэтики. – Казань: Gumanitaria, 2003. Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. – М.: Восточная литература, 2000. Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического. – М., 1995. Урманче Ф. Борынгы миф һәм бүгенге шигырь. Татарстанның халык шагыйре Равиль Файзуллин шигъриятенә бер караш. – Казан, 2002. Хабутдинова М. М. Драгоценный камень А. Гилязова // Гилязов А. Повести: Три аршина земли; В пятницу вечером. – Казань: Магариф, 2008. – С. 233 – 257.

М. И. Ибрагимов

МНОЖЕСТВЕННОСТЬ ЛИТЕРАТУР – новый и сравнительно редко встречающийся в науке термин. Им обозначается рядоположенность разных, пребывающих каждая в собственной *идентичности* литератур, внеиерархическое их со-существование.

Значение слова «множественность», взятое в данном случае в качестве основного, позволяет отличать его от слова «разнообразие», под которым в теории, как правило, понимается совокупность связанных взаимодействиями литератур. «Разнообразие» (-образ-) предполагает наличие инварианта (образа) литературы вообще, постулируемого на самом деле из ограниченного временем и пространством художественного опыта. В советскую эпоху, как когда-то при классицизме, такой инвариант национальных литератур оформлялся в виде теоретических канонов. На его основе сравнивались разные литературы, а различия между ними редуцировались. М.л. противостоит также принятой в советской науке практике выстраивать разные литературы в один ряд, определяя место для каждой из них в этом ряду в зависимости от ее вклада в движение к общей цели.

Основная сфера, в которой реализуется М.л., – это сознание читателей. Для большинства последних выбор литературных произведений

для чтения определяется их художественными вкусами, которые формируются под влиянием самых разных обстоятельств. Читатель, как правило, не располагает читаемые тексты в исторической последовательности, не распределяет их по литературным направлениям, может не видеть особой разницы между отечественными и иноязычными произведениями и т. д.

Мир литературы не лишен хаоса. Разные литературы, оказавшись в одном пространстве, сталкиваются, сближаются, вступают в другие взаимодействия, сущность которых не может быть представлена в виде закономерности, протянутой из прошлого в будущее.

Лит.: Библер В.С. На границах логики культуры. – М., 1997.

Я. Г. Сафуллин

МОТИВ (лат. *moveo* – двигаю) – устойчивая формально-содержательная единица литературного текста.

В теорию литературы М. пришел из музыковедения. В начале XX века А. Н. Веселовский и В. Я. Пропп рассматривают М. как неразложимый далее компонент фольклорного в основном текста (зеркальце, живая вода, бой отца с сыном, крылатый конь и т.п.). М., как минимальная единица сюжета, повторяется, с их точки зрения, в целом ряде произведений.

В последующем литературоведении определения М. будут варьироваться, но в значении М. будут сохраняться его содержательная устойчивость и повторяемость. Понятие М. с середины прошлого века стало связываться с личностью автора (с повторяющимися мыслями и чувствами в одном, нескольких или всей совокупности его произведений). Так, *одиночество* – один из центральных мотивов поэзии М. Лермонтова. Одиночество – устойчивый, переходящий из произведения в произведение компонент творчества писателя. Он закреплен в текстах его произведений в ключевых словах и словосочетаниях: *один, одинокий, оторван, узник, пустыня* и др. М. одиночества углубляется в своих повторениях, получает характерное только для Лермонтова звучание. Преступление и наказание, как сопряженные друг с другом понятия, являются М. ряда

формы
анизм).
иссле-
ональ-

ения, в
спросов
атуры»,
дэбият
дэбия»
только
ся и к
гератур
мана и

– 158].
зодят в
объяс-
частно-
Г. Бат-
енного
жанра

босно-
ности
тради-
лают в
т сим-
да та-
между
симво-
латри-
но и
атуре
і при-

роде самой татарской литературы. Возврат к исследованиям поэтики татарской литературы как таковой начинается в 60 – 70-ые годы прошлого века (в работах Х. Усманова, Н. Юзеева, Х. Курбатова, М. Бакирова и др.). При этом основное внимание ученых было обращено на поэтику татарского стиха как разновидности тюркского стихосложения, его историю и современное состояние. Другие области поэтики татарской литературы до сих пор остаются недостаточно изученными. Между тем сопоставление поэтики татарской литературы, взятой в достаточно широком ее объеме, с поэстикой других литератур могло бы способствовать более глубокому пониманию как ее национальной идентичности, так и открытости к междисциплинарным диалогам. Например, поэтики татарского романа (в сопоставлении с европейским или русским), поэтики татарского модернизма (в сопоставлении с русским), поэтики татарского стиха (в сопоставлении с русским) и пр.

Лит.: Бакиров М. Х. Шигърият биге: Гомумтәрки поэзиянең яралуы һәм иң борынғы формалары. – Казан: Мәгариф, 2001. Заһидуллина Д. Ф. Әдәбият кануннары һәм заман. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2000. Курбатов Х. Ритмика татарского стиха. – Казань, 2005. Миннегулов Х. Татарская литература и восточная классика. – Казань, 1993. Усманов Х. Тюркский стих в средние века. – Казань, 1987. Юзеев Н. Шигърь гармониясе (татар шигърь поэтикасы). – Казан, 1972. Юзеев Н. Хәзерге татар поэтикасы. – Казан, 1973.

М. И. Ибрагимов

ПРИНЦИП ДОПОЛНИТЕЛЬНОСТИ был введен в науку в 1920-ые годы датским физиком Н. Бором. Изучая явления, которые относятся к микромиру, он пришел к выводу, что они могут быть описаны не традиционными способами, а во взаимоисключающих друг друга терминах. Так, свет – волны и частицы одновременно. По мысли Бора, только одной логической системы недостаточно для описания картины мира; она должна дополняться другими системами. Идея Бора постепенно приобрела философское значение. Она проникла в современную культурологию. Ю. Лотман в работе «Феномен культуры» дает следующее объяснение П. д. Деятельность человека протекает в условиях неполной информации о действительности, недостаточность которой ком-

пенсирруется знаниями, добытыми его партнерами, действовавшим другими путями ее постижения.

Сопоставление литератур опирается на П.д. Каждая из сопоставляемых литератур обладает собственной *идентичностью*, и они представляют нам разные картины мира. В то же время литературы открыты друг другу и находятся в состоянии взаимодополняемости. Так, есть литературы, в которых автор мыслит и творит бытие, и литературы, где, наоборот, бытие овладевает мышлением и творчеством автора. При встречах (*межлитературных диалогах*) они проблематизируют друг друга. Границы между приведенными антиномиями размываются, возрастает метафоричность. Они воспринимаются как противоположные варианты описания явления более сложного, чем оно в каждой из них в отдельности представлено, и которое, возможно, вообще не подлежит описанию через «автор – бытие».

П.д. придает теоретическим понятиям и терминам подвижность, освобождает их от избыточной абстрактности, вызванной привязанностью к сравнительно узкому литературному опыту. В целом он приближает теорию межлитературных взаимодействий к процессам, которые существуют в реальности.

Лит.: Бор Н. Атомная физика и человеческое познание. – М., 1961.
Лотман Ю. М. Избранные статьи: в 3-х т. – Таллинн, 1992. – Т. 1. Руднев В.
Энциклопедический словарь культуры XX века. – М., 2003.

Я. Г. Сафиулл

ые с
орым
«рон-
эриа-
ими —
Пуш-
али).
жож-
вли-
зных
ской
х ис-
внях:
й ли-
гма-
ю по
влен
анта-
гель-
неиз-
ти по-
доже-
мен-
Г. Ис-
нали-
опро-
апад-
«За-
тве. —
стети-
Ю. Г.
лите-
п. на-
ций в
192 с.
88. —
нева

СОПОСТАВЛЕНИЕ ЛИТЕРАТУР. Слово «сопоставление» в теории литературы встречается, как правило, в виде синонима к слову «сравнение». Последнее входит в состав термина «сравнительно-исторический метод». Необходимость наделить слово «сопоставление» самостоятельным значением возникла в связи с новыми подходами к изучению межлитературных взаимодействий, которые существенно отличаются от принципов сравнительно-исторического метода.

Корень слова «сравнение» (-равн-) указывает на то, что разные литературы в ходе исследования выравниваются по общему признаку (например, по наличию в них категории «трагическое», представленности жанра фантастического романа, уровню насыщенности художественных текстов метафорами и т. д.). Различия литератур при этом редуцируются или рассматриваются как варианты общего в них.

Понятия, термины, на которые опирается сравнительный метод, извлекаются в основном из опыта европейских и близких к ним литератур, которые связаны между собой генетически, развивались в совпадающих во многом условиях. Они соответствуют природе этих литератур и обеспечивают успех сравнительных исследований, проводимых на их материале. Однако представители сравнительного метода экстраполируют такого рода понятия и термины на любые сравнения, включающие в свой круг самые разные, в том числе и так называемые «восточные», литературы. И это оказывается недостаточно плодотворным научным приемом.

В восточных литературах, в отличие от западных, трагическое не играет роли одной из ведущих категорий, жанр фантастического романа представлен редкими примерами, метафоры менее разнообразны и частотность обращений авторов к ним сравнительно низка. Поэтому сравнение западных и восточных литератур по отмеченным выше и другим подобным им меркам приводит к выводам о том, чего в восточных литературах на фоне западных нет, что в них находится в начальных формах становления и т. д.

При определении общности разных литератур можно опираться только на такие единицы измерения, которые репрезентативны для каждой из них. Но какими, если не основанными только на опыте европейских или, наоборот, только восточных литератур, они могут быть? Пред-

ставителями сравнительного метода этот вопрос, как правило, не ставится. Они выравнивают разные литературы по образцу европейских.

Слово «сопоставление» семантически отличается от «сравнения». «Сопоставлять» (-став-) означает процесс, в ходе которого изучаемые литературы ставятся рядом. Приставки *со-* и *по-* указывают на возможные сочинительные связи между ними. Словами, близкими по структуре и смыслу к «со-поставлению», будут «со-существование», «со-гласие», «со-общество» и др.

С. предполагает сохранение уникальности (самобытности) каждой из литератур, включаемых в круг исследования. Этому может способствовать описание как исследовательский прием. Оно должно вестись в таких содержаниях терминов и понятий, в таких сочетаниях последних, которые соответствуют природе описываемой литературы. Описание не может быть «опрокидыванием» на разные литературы одной и той же исследовательской модели, источником которой являются одна или группа из них. Описание производится без целевой установки на последующее выравнивание литератур, в нем, наоборот, фиксируется *идентичность* каждой из них. Возможно описание, ориентированное на воспроизведение как целостности той или другой литературы, так и отдельных явлений в ней (системы жанров, тропов, представленности авторского «я», художественной фонологии и т. п.). Разнообразие в масштабах и формах описания будет зависеть от конкретной тематики исследований и путей решения задач, в них поставленных. Но оно будет иметь место при любом С. Описание, проводимое обозначенным выше образом, оказывается связанным с понятием *множественность литератур*.

По основной своей интенции – стремлению постичь общее в разных литературах – С. не противостоит сравнительному методу, но принципиально отличается от него в том, что понимать под таким общим и как трактовать его образование. Сравнение предполагает идею «совершенной» литературы, которая в конкретно выражаемых или в латентных формах сопровождает сравнение литератур и служит своего рода эталоном для их оценок.

Общее между разными литературами С. рассматривает как основу их со-существования, как состояние *межлитературного диалога*, в ходе которого различные литературы *дополняют* друг друга. При этом ро-

ждаются новые смыслы, которые трансформируют существующие теоретические категории.

Таким образом, С. не абсолютизирует идентичность той или другой литературы. Наоборот, столкновение идентичностей оно рассматривает как возможность достижения согласия между разными литературами через взаимопонимание.

Существуют обстоятельства, актуализирующие С. литератур. Это протестные настроения против унификации (глобализации) литератур по подобию отдельных из них. Это и возрождение национальных традиций в различных литературах большого постсоветского пространства. С. созвучно таким процессам. Оно воздерживается от деления литератур на ведущие и ведомые, от выстраивания их друг за другом в пути к уже известной цели.

Лит.: Сравнительное и сопоставительное литературоведение: хрестоматия. – Казань: ДАС, 2001. *Топоров В. Н.* Пространство культуры и встречи в нем // Восток – Запад. – М.: Наука, 1989.

Я. Г. Сафиуллин

СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ МЕТОД (от лат. *comparatives* – сравнительный) – методика анализа, помогающая осознать сходство и различия явлений словесно-художественного творчества, относящихся к разным национальным литературам. Термин «сравнительное литературоведение» возник во Франции по аналогии с термином Ж. Кювье «сравнительная анатомия». Существуют синонимы, обозначающие данное (или сходное) направление литературоведения: сравнительно-историческое изучение литератур, сравнительное литературоведение, литературоведческая компаративистика; соответствующие иноязычные термины: *litterature comparee* (фр.); *vergleichende Literaturwissenschaft*, *vergleichende Literaturgeschichte* (нем.); *comparative literature* (англ.); *litteratura comparata* (ит.); *litteratura comparada* (исп.) и др.

У сравнительно-исторического метода есть своя предыстория. Первые опыты в сфере сравнительного литературоведения были сделаны в Германии в конце XVIII в. Сопоставляя национальные культур-